

В. К. ГАРДАНОВ

АДЫГСКИЕ «БРАТСТВА» В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Общественный строй народов Северного Кавказа накануне и в период их присоединения к России часто рассматривался в историко-этнографической литературе как образец господства первобытных родовых отношений. Представление о Кавказе как о классической стране родового строя особенно упрочилось после опубликования работ М. М. Ковалевского об обычном праве кавказских горцев¹. Этому выдающемуся исследователю удалось убедительно показать наличие в общественном быте народов Северного Кавказа глубоко архаических черт, обычаев и институтов, восходящих не только к патриархально-родовому строю, но и к материнскому роду, историческая универсальность которого таким образом была подтверждена и на кавказском этнографическом материале.

Однако, сосредоточив в своих кавказоведческих работах внимание на пережитках родового быта, М. М. Ковалевский стал одним из виновников того, что общественный строй горцев Кавказа начал изображаться более примитивным, чем он был в действительности. Если судить об общественном строе народов Северного Кавказа по работам М. М. Ковалевского, то создается впечатление, что ни один из них в своем развитии дальше родового строя не пошел. А если понимать некоторые высказывания Ковалевского буквально, то можно даже сделать вывод, что горцы Кавказа в то время, когда он их изучал, едва успели выйти из стадии материнского рода и только вступили в период патриархально-родового строя. Так, давая общую оценку уровня социального развития кавказских горцев, Ковалевский писал: «Тогда как матриархат является в среде горцев частью выжившим, частью выживающим порядком, агнатический род носит у них еще все признаки вполне жизненного явления. Редко где можно наблюдать его разнообразнейшие проявления в такой полноте и подробности, в такой чистоте и расцвете, как в кавказских теснинах»². И далее, в доказательство правоты своих слов, Ковалевский широко использует этнографический материал, касающийся черкесов (адыгов)³, осетин, народов Дагестана.

М. М. Ковалевский явно исказил историческую действительность, утверждая, что патриархально-родовой строй в конце XIX в. сохранялся у горцев Кавказа в полной «чистоте и расцвете». При этом он сделал шаг назад по сравнению со своими предшественниками, изучавшими

¹ Ср. Максим Ковалевский, Современный обычай и древний закон, т. I—II, М., 1886; его же, Закон и обычай на Кавказе, т. I—II, М., 1890.

² М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, стр. 28.

³ М. М. Ковалевский именует адыгов черкесами, что было общепринятым в русской и иностранной литературе. В данной статье этнические термины *адыги* и *черкесы* употребляются как идентичные.

общественный строй горцев Кавказа в XVIII и первой половине XIX в. и отмечавшими наличие у них не только распадавшихся родовых отношений, но и феодализма⁴.

М. М. Ковалевский достаточно хорошо знал фактический материал, чтобы начисто отрицать наличие феодализма у народов Северного Кавказа. Но, увлекшись изучением рода на кавказском историко-этнографическом материале, Ковалевский как бы забыл о существовании феодализма на Северном Кавказе и о тех изменениях, которые он внес в родовые отношения у кавказских горцев. В результате проблема феодализма осталась почти совершенно незатронутой в основных кавказоведческих трудах М. М. Ковалевского. Это тем более досадно, что в своей первой работе на кавказоведческую тему Ковалевский специально остановился на характеристике горского феодализма и подчеркнул большую теоретическую важность его изучения.

Мы имеем в виду статью «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа», в которой Ковалевский как бы делает первый набросок плана и целевых установок своих будущих кавказоведческих исследований. Очень любопытно, какой объект этих исследований намечает Ковалевский в названной статье. Это отнюдь не родовой строй и его институты, которые оказались в центре всех последующих кавказоведческих работ М. М. Ковалевского. «В настоящей статье,— указывает Ковалевский,— мы намерены обратить внимание читателей на некоторые стороны общественного строя кавказских горцев, способные видоизменить ходячие представления о так называемом феодальном быте». И далее Ковалевский резко выступает против господствовавшей в то время в западноевропейской буржуазной историографии теории германистов, согласно которой феодальные порядки были свойственны в прошлом только германским народностям. Отметив, что «некоторый протест против теории германистов насчет исключительной принадлежности германцам феодального строя намечается и на Западе», Ковалевский заявляет: «Но этот протест уже потому бессилён подкосить в самом корне упомянутую теорию, что за недостатком других источников должен ограничиваться толкованием лишь крайне скудных, темных и отрывочных свидетельств. Совершенно иного характера те данные, которыми располагает исследователь обычного права кавказских горцев. На Кавказе перед ним воочию выступает тот сложный процесс, благодаря которому архаический порядок родовых и общинных отношений заменяется отношениями феодальными»⁵.

К сожалению, чрезвычайно интересная мысль М. М. Ковалевского о большой научной ценности кавказского этнографического материала для правильного понимания процесса перехода от родовых и общинных отношений к феодальным не была развита им в дальнейших работах, посвященных обычному праву кавказских горцев. Генезис горского феодализма, как и весь своеобразный феодальный строй горских народов Северного Кавказа, оказался вне научных интересов Ковалевского, который так и не осуществил намеченную им программу всестороннего изучения общественного быта кавказских горцев.

Хотя разработка вопроса о родовом строе у народов Кавказа составляет одну из важных научных заслуг М. М. Ковалевского, что в

⁴ Примером может служить характеристика общественного строя горских народов Кавказа у С. М. Броневского — автора первого сводного труда на эту тему в русской литературе (С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I—II, М., 1823).

⁵ М. Ковалевский, Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа, «Русская мысль», 1883, кн. XII, стр. 138 (курсив мой.— В. Г.).

свое время отметил Ф. Энгельс⁶, однако преувеличенное представление о реальной значимости родовых институтов на Кавказе, неумение разглядеть за внешней стороной этих институтов глубинных социальных процессов, совершавшихся под их прикрытием и носящих уже принципиально иной характер, короче говоря — непонимание того, что родовые отношения у кавказских горцев в большинстве случаев маскировали собой развитие феодальных отношений, помешало Ковалевскому достигнуть еще более плодотворных результатов в своих кавказоведческих изысканиях. Примером может служить вопрос об адыгских «братствах», который в свое время был предметом исследования М. М. Ковалевского и является основной темой предлагаемой нами статьи.

* * *

В своем известном исследовании «Закон и обычай на Кавказе» М. М. Ковалевский, выдвигая принципиально важное и правильное само по себе положение, что в обычаях черкесов, ингушей, осетин и других народов Кавказа имеются такие элементы, «происхождение которых... необходимо предполагает существование матриархата и связанных с ним учреждений», ссылаясь прежде всего на черкесские «братства»⁷.

Эти своеобразные общественные организации адыгов были впервые описаны в западноевропейской литературе англичанином Джемсом Беллем на основании наблюдений, сделанных им во время пребывания в 1837—1839 гг. в Черкесии⁸. Используя материалы Белля⁹, Ковалевский следующим образом характеризует основные черты адыгских «братств» первой половины XIX в. В состав каждого из «братств» или «тлеух» входило несколько родов («ачих»). Члены «братства» считали себя происходящими от общего корня и потому кровными родственниками. В частности, отношения между мужчинами и женщинами одного и того же «братства» были те же, что между братьями и сестрами; и браки между ними запрещались. Подчеркивая это обстоятельство, Ковалевский обращает внимание на то, что брачные запреты распространялись не только на членов одного и того же рода, но и на членов всех родов, входящих в данное «братство». При этом не делалось различий для свободных и несвободных членов «братства», так как рабы¹⁰ считались принадлежащими к «братству» своих господ и вместе с ними должны были соблюдать установленные брачные запреты. «Общность земельного владения и круговая порука в отмщении обид, направленных против любого из членов братства, — пишет Ковалевский, — дополняют эту картину тесного товарищеского общения, не редко целых тысяч человек, объединенных представлением об общем происхождении или слившихся свои роды воедино путем договора»¹¹.

По существу этими, заимствованными у Белля, фактическими данными, исчерпывается все то, что в названной книге Ковалевского непосредственно относится к адыгским «братствам». Но тема о «братствах» у Ковалевского не вполне логично и несколько неожиданно переплетается с вопросом о пережитках группового брака у адыгов. Приве-

⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 60—61, 63, 130, 134, 139—140.

⁷ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, стр. 9—10.

⁸ J. S. Bell, Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839, т. I, London, 1840.

⁹ М. М. Ковалевский пользовался французским переводом указанной книги Белля.

¹⁰ М. М. Ковалевский не вполне точно переводит Белля, у которого в данном случае речь идет не только о рабах, но и о крепостных.

¹¹ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, стр. 10—11.

дя ряд примеров, говорящих о свободе нравов адыгских женщин в прошлом, Ковалевский считает, что это каким-то образом «дополняет несколькими новыми чертами» картину экзогамных «братских» союзов у адыгов¹². Лишь из дальнейшего, весьма опять-таки сбивчивого и путаного изложения, можно догадаться, что Ковалевский таким образом подходит к вопросу о пережитках фратриально-дуальной организации у адыгов. «Чтобы понять, — пишет он, — значение, какое для вопроса о древнейшей форме общественной организации имеет существование братств между черкесами, мы напомним в немногих словах ту роль, какую в теории матриархата играют во многом сходные с черкесскими братства американских и австралийских племен. Физону и Моргану удалось проникнуть во все тонкости этой организации и указать нам, что в основе ее лежат экзогамические запрещения»¹³. В качестве примеров Ковалевский ссылается на американских ирокезов, у которых брак был разрешен только между родами, входящими в различные «братства», и на австралийское племя камиларон, распадавшееся всего на два экзогамных подразделения, связанных между собой групповым браком.

Не приводя более никаких материалов по адыгам, а лишь снова напомним, что при строгой родовой экзогамии «общность жен чужеродок встречалась в прежние годы» у адыгского племени шалсугов, Ковалевский заключает все свои рассуждения по поводу адыгских «братств» следующим выводом: «Итак, в основанных на начале экзогамии и сохранивших еще следы коммунального брака «тлеухах» черкесов следует видеть пережиток тех порядков, которые современная этнология относит к периоду зачинающейся общественности»¹⁴.

Хотя вопрос о пережитках фратриально-дуального устройства у адыгов был, как мы видим, поставлен М. М. Ковалевским в довольно неясной форме, следует подчеркнуть, что сама постановка этого вопроса являлась для своего времени весьма оригинальной попыткой использовать для истолкования кавказского этнографического материала учение Л.-Г. Моргана. Но, к сожалению, и в данном случае проявился недостаток, свойственный подобным кавказоведческим экскурсам Ковалевского. Отметив, что адыгские «братства» генетически восходят к древним фратриям¹⁵, Ковалевский ограничился лишь самой предварительной постановкой вопроса, не пытаясь дать ему необходимую аргументацию. Ковалевский не подверг анализу весь имевшийся по этому вопросу фактический материал; используя только (да и то не полностью) описание Белля, Ковалевский не стал уточнять, у каких адыгских племен и в какой социальной обстановке существовали «братства» в первой половине XIX в. Обратив внимание лишь на присущую адыгским «братствам» экзогамию и подчеркнув первоначальный кровнородственный характер этих организаций, Ковалевский в то же время оставил незатронутыми многие другие черты, характеризующие адыгские «братства» в первой половине XIX в., в особенности же те черты, которые свидетельствовали об изменении архаического характера этих организаций, о приобретении ими новых функций. Все это заставляет нас заново пересмотреть вопрос об адыгских «братствах», тем более, что этот вопрос после М. М. Ковалевского никем специально не исследовался.

¹² М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, стр. 11—12.

¹³ Там же, стр. 12—13.

¹⁴ Там же, стр. 13—14.

¹⁵ Термин «фратрия» М. М. Ковалевским почему-то ни разу не упомянут, хотя его ссылка на Л.-Г. Моргана указывает, что, говоря об адыгских «братствах», Ковалевский имел в виду именно фратрию и связанную с ней форму родовой организации.

* * *

Для того, чтобы уяснить себе подлинное значение и роль адыгских «братств» в первой половине XIX в., необходимо прежде всего установить, какой характер имел общественный строй адыгов в то время, т. е. в какой исторической среде находился этот осколок первобытного родового общества. Следует, однако, сразу же оговориться, что дать сжатую характеристику общественного строя адыгов в первой половине XIX в. довольно сложно, так как по этому вопросу до сих пор еще нет ни полной ясности, ни необходимого единства взглядов¹⁶. Такое положение объясняется, во-первых, многоукладностью адыгского общества, в котором причудливо переплетались первобытнообщинные и классовые отношения; во-вторых, своеобразием общественного устройства отдельных племенных групп, обусловленным рядом обстоятельств, не всегда поддающихся точному определению и анализу.

Многочисленные адыгские племена было принято в первой половине XIX в. делить в соответствии с особенностями их общественного строя на две группы. К одной из них относились так называемые «аристократические» племена¹⁷ адыгов: кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы, махашевцы, мамхеговцы, егерухаевцы, жанеевцы, адемиевцы; к другой — «демократические» адыгские племена: абадзехи, шапсуги и натухайцы¹⁸.

Коренное отличие «аристократических» адыгских племен от «демократических» по описанию авторов первой половины XIX в. заключалось в том, что у первых феодалы во главе с князьями в полной мере сохраняли свою власть над народом и свои сословные привилегии, а у вторых господство феодальной знати было подорвано, а сословные привилегии в значительной мере ликвидированы в результате «общественного переворота», совершившегося в конце XVIII в. У «аристократических» племен адыгов в первой половине XIX в. продолжало существовать княжеское управление, которое у «демократических» племен было заменено выборным управлением народных старшин, что давало основание современникам соответственно именовать первую группу племен — «княжескими владениями», а вторую группу — «племенами, имеющими народное правление»¹⁹.

Большое значение в политической жизни «демократических» племен имело сословие тфокотлей, состоявшее из лично свободных крестьян-общинников, находившихся прежде в той же феодальной зависимости от князей и дворян, в которой продолжали оставаться тфокотли «ари-

¹⁶ Ср. С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958, стр. 253—255; М. В. Покровский, *Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX века*, «Кавказский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XLVI, М., 1958, стр. 111.

¹⁷ Как нам уже приходилось указывать, употребление термина «племя» в отношении существовавших у адыгов в первой половине XIX в. этнических подразделений может носить лишь условный характер, поскольку в это время у адыгов в связи с развитием феодальных отношений сохранялись лишь пережиточные формы древнего племенного деления (см. В. К. Гарданов, *О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX века*, «Сов. этнография», 1963, № 4, стр. 75—76).

¹⁸ Одним из первых такое деление адыгских племен предложил Г. В. Новицкий в своей статье «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе» («Тифлисская ведомости», 1829, №№ 22—25). В дальнейшем подразделение адыгов на «аристократические» и «демократические» племена упростилось в литературе (см. Н. Дубровин, *История войны и владычества русских на Кавказе*, СПб., 1871, т. I, кн. I, стр. 192 и сл.).

¹⁹ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», СПб., 1836, ч. 1, л. 145 об., рукопись, хранящаяся в библиотеке Центрального государственного военно-исторического архива СССР (далее ЦГВИА).

стократических» племен²⁰, но сумевших к концу XVIII в. в значительной мере ликвидировать эту зависимость с помощью принятых в его «братства» беглых крестьян, в особенности из «аристократических» племен²¹. Последнее обстоятельство вызвало не только усиление тфокотлей в «демократических» племенах, но резкое увеличение численности «демократических» племен за счет соответствующего уменьшения численности «аристократических» племен²². Сословие тфокотлей у всех адыгских племен подвергалось постоянной социальной дифференциации, выделяя из своей среды старшинскую верхушку, превращавшуюся в новый слой дворянства, который приобрел особое значение у «демократических» племен²³. Наряду с сословием тфокотлей, являвшихся во всех адыгских племенах самой многочисленной категорией крестьянства, существовало еще сословие крепостных крестьян, юридическое положение которого у «аристократических» и «демократических» племен было одинаково. Однако в силу ослабления дворянства «демократических» племен фактическое положение крепостных здесь стало несколько лучше. Пользуясь поддержкой массы тфокотлей, крепостные «демократических» племен нередко отказывались повиноваться своим господам — дворянам и старшинам, которые вынуждены были мириться с этим.

Сопоставляя основные черты общественно-политического строя «аристократических» и «демократических» племен адыгов, можно сделать заключение, что обе группы племен находились на феодальной стадии развития, а имевшиеся различия были обусловлены ходом классовой борьбы, приведшим к политическому перевороту в конце XVIII в. Однако такой вывод находится в противоречии с существующей в литературе традиционной точкой зрения, согласно которой «демократические» племена, в отличие от «аристократических», считались находящимися на дофеодальной стадии развития, а их «демократические» порядки объяснялись простым сохранением у этих племен родового строя²⁴. Обратимся поэтому непосредственно к свидетельствам авторов первой половины XIX в., на которые мы выше ссылались.

Замечательно, что бытописатели первой половины XIX в., в отличие от позднейших исследователей, считали необходимым прежде всего отметить феодализм как основу общественной структуры адыгов. Так, например, К. Ф. Сталь, которому принадлежит один из лучших этнографических очерков адыгов первой половины XIX в., писал об их общественном строе: «Организм черкесского общества есть чисто аристократический. Черкесы имеют своих князей (пши), разностепенное дворянство (уорк) и разностепенное сословие крестьян и невольников (пшитль)»²⁵. Указывая далее, что у абадзехов, шапсугов и натухайцев

²⁰ В литературе укоренилась неправильная точка зрения, согласно которой тфокотль «демократических» племен якобы издавна был менее зависим от феодалов, чем тфокотль «аристократических» племен, тогда как в действительности до конца XVIII в. существенной разницы в положении тфокотля этих двух групп адыгских племен не наблюдалось (См. «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, лл. 231 об.—232).

²¹ Большинство современных авторов видит в тфокотлях «демократических» племен только «свободных незакрепощенных крестьян», не понимая, что в состав этого сословия вошло много беглых крепостных (см. «Очерки истории Адыгеи», т. I, Майкоп, 1957, стр. 178).

²² В. К. Гарданов, Указ. раб., стр. 89—91.

²³ М. В. Покровский, Указ. раб., стр. 125—128.

²⁴ Как справедливо отмечает С. А. Токарев, «В литературе установилась традиция считать эти племена более отсталыми, чем племена с развитым феодальным строем. Они как бы задержались на стадии патриархально-родового строя» (Указ. раб., стр. 254).

²⁵ К. Ф. Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», т. XXI, Тифлис, 1900, стр. 142.

нет князей, Сталь подчеркивает, «но есть дворянство (уорк) и класс крестьян»²⁶. В отношении абадзехов, которых обычно считали наиболее «демократическим» племенем адыгов, Сталь замечает: «Состав народа и разделение на сословия у абадзехов те же, как и у черкес, имеющих князей, но у абадзехов больше равенства между сословиями. У абадзехов есть так же сословие первостепенных дворян (тляко-тляжей); вероятно они имели то же важное значение, какое имеют и поныне тляко-тляжи у темиргоевцев и кабардинцев, но в настоящее время это исчезло. Так что тляко-тляжу осталось одно имя»²⁷.

Л. Я. Люлье, особенно близко знавший натухайцев, шапсугов и абадзехов, тоже отмечает, что у этих племен существовал феодализм, были свои княжеские и дворянские фамилии. «Что Натухажцы и Шапсуги... состояли под влиянием феодализма,— писал в 1857 г. Люлье,— тому служит доказательством то, что у них существовали княжеские и дворянские фамилии. Князь на языке их называется пши, дворянин — вуорк. Княжеский род был у этих народов, но впоследствии, как надо полагать, пресекся; дворянские же фамилии, ныне существующие, следующие: а) у Натухажцев — Сюпако, Мегу, Зеа, Каз, Егороко и Чах; б) у Шапсугов — Абат, Немере, Шеретлок, Цюх, Горкоз, Улагай, Бгый и Трагурз... Дворянские фамилии Сюпако и Абат сохранили по настоящее время родственную связь с первостепенными кабардинскими узденями (тлакотлешь)... У Абадзехов дворянские фамилии в настоящее время следующие: Бешок, Инемок, Едиге, Джанкиат, Анцюок, Негиок и Даур. Хотя со временем влияние дворян и ослабело, но они сохранили преимущества, присвоенные их званию, до тех пор, пока общественный переворот не сравнял их с простолюдинами»²⁸.

Л. Я. Люлье, как и многие его современники, преувеличивал степень демократизации общественных отношений у абадзехов, шапсугов и натухайцев, утверждая, что у этих племен в результате «общественного переворота», происшедшего в конце XVIII в., дворянство полностью сравнялось с «простолюдинами». Но указание Люлье на то, что адыгские «демократические» племена «состояли под влиянием феодализма» имеет принципиальное значение для правильной характеристики их общественно-политического строя в первой половине XIX в.

Об «уничтожении» абадзехами, шапсугами и натухайцами «власти князей и дворян» говорит и Г. В. Новицкий²⁹. По его словам дворяне у этих племен «теперь (писалось в 1829 г.— В. Г.)... живут в кругу своих подданных и не имеют над ними ни власти, ни преимущества»³⁰.

В числе авторов первой половины XIX в., давших обстоятельное и глубокое описание общественного строя адыгов, особое место занимает Хан-Гирей. В ряде своих работ и прежде всего в «Записках о Черкесии» Хан-Гирей показал, что у адыгов, несмотря на сохранившиеся многочисленные институты и обычаи родового строя, господствующим общественным укладом был феодализм. В то же время он подчеркнул, что главной причиной ослабления власти дворянства среди «демократических» племен явилась успешная классовая борьба крестьянства, стремившегося к освобождению от все более усиливавшейся феодальной эксплуатации. Вольные земледельцы (тфокотли), писал Хан-Гирей, «в племенах, ныне имеющих народное правление..., в прежние вре-

²⁶ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 154.

²⁷ Там же, стр. 154—155.

²⁸ Л. Я. Люлье, О натухажцах, шапсугах и абадзехах, «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», кн. IV, Тифлис, 1857, стр. 233.

²⁹ Г. В. Новицкий, Указ. раб., «Тифлиские ведомости», 1829, № 24.

³⁰ Г. В. Новицкий, Указ. раб., «Тифлиские ведомости», 1829, № 23.

мена, будучи подчинены власти дворянства на разных условиях, находились в такой же зависимости, в какой состоит этот класс в княжеских владениях, но с умножением дворянства могущество власти, его сану присвоенной, раздробилось на части, и в это время подчиненный дворянству класс, которого обязанности соразмерно с тем становились тягостнее, начал помышлять о приобретении силы для ограждения себя от притеснения высшего класса, а более всего — для достижения независимости, или вольного состояния, и ниспровержения власти господствующего класса...»³¹

Не только Хан-Гирей, но и другие авторы первой половины XIX в., хорошо знавшие адыгов, отмечали, что изменение существовавших у «демократических» племен феодальных порядков произошло в результате классовой борьбы. Примером может служить Н. И. Карлгоф, который в составленном им в 1847 г. описании адыгских племен, населяющих «край Черноморской береговой линии», писал о шапсугах и натухайцах: «Народ... разделяется на сословия князей, дворян, свободных, подвластных и рабов... Достоверно известно, что еще не в весьма отдаленные времена он (т. е. шапсугский и натухайский народ. — В. Г.) управлялся князьями и дворянами, но что у них происходила потом сильная внутренняя борьба за уравнивание прав всех сословий, окончившаяся для дворянства утратою почти всех преимуществ»³².

* * *

Общественный переворот, лишивший абадзехских, шапсугских и натухайских дворян ряда их преимуществ и приведший к перемене существовавшего у этих племен «аристократического» образа правления на «демократический», подготавливался длительное время. Есть основание полагать, что уже в XVII в. адыгское феодальное общество переживало острый социальный кризис и классовая борьба в нем достигла большого напряжения.

Джемс Белль в дневнике своего пребывания в Черкесии в 1837—1839 гг. сообщает, что согласно слышанному им лично рассказу одного старого черкеса, по имени Субаш, «около 200 лет тому назад» имела место ожесточенная борьба между черкесским народом и знатью (nobles), в результате которой в стране было впервые серьезно поколеблено могущество феодальной аристократии³³.

В первой половине XIX в. не один только старый Субаш мог вспомнить о крупном антифеодальном выступлении адыгского народа в тридцатых годах XVII в. Память об этом была зафиксирована в сказаниях, известных в то время многим адыгским старикам. Спустя 30 лет после Белля Н. Л. Каменев на основании собранных им в 1867 г. адыгских преданий именно 30-ми годами XVII в. датировал восстание абадзехов против гнета бжедугских князей, под властью которых они одно время находились. Восстание это началось, по словам адыгов, сообщавших Каменеву соответствующие народные предания, «назад тому 236 лет», т. е. в 1631 г. В результате восстания бжедугские феодалы с подвластным им народом были вытеснены из бассейна р. Псекупса, которым овладели абадзехские крестьяне с присоединившимися к ним беглыми крепостными из владений бжедугских, темиргоевских, махошев-

³¹ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. 1, лл. 231 об.— 232.

³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19256, ч. 2, л. 25. Н. И. Карлгоф был в это время начальником штаба Черноморской береговой линии и потому в его руках сосредотачивались самые достоверные сведения о причерноморских племенах адыгов, которые можно было собрать русскому командованию на месте.

³³ J. S. Bell, Указ. раб., т. I, стр. 219.

ских и других адыгских князей. «Бжедуги насчитывают 228 лет существования своего на землях, ныне ими занимаемых, следовательно, — заключает Н. Л. Каменев, — окончательный переход верхнего и среднего бассейна Псекупса во владение абадзехов совершился в 1639 году, после восьмилетней борьбы. Вот первые цифры, которые не без удовольствия встретит любознательный читатель во всем рассказе, основанном единственно на своде туземных преданий, не проверенных исторической критикой»³⁴.

Н. Л. Каменев не имел возможности подвергнуть использованные им адыгские предания научной проверке. Он писал цитируемую нами статью в военно-полевых условиях, не имея под руками никакой исторической литературы. К счастью, мы имеем возможность сопоставить сообщения Белля и Каменева о событиях XVII века, основанные на адыгских преданиях, записанных в первой половине XIX в., с показаниями автора XVII в., являвшегося современником этих событий. В труде известного голландского ученого Николая Витзена «Noord en Oost Tartarye» (1692 г.) сохранилось чрезвычайно важное для истории адыгов XVII в. известие. В главе, посвященной Черкесии, Витзен пишет: «Некий анонимный английский писатель, чье сочинение опубликовано в Париже в 1679 г. на французском языке, говорит про черкесов, что знает таких, которые живут у Меотийского моря и по течению Борисфена, что их женщины очень любят выпить, что они истребили у себя крупную и мелкую знать (grooten en kleinen adel) и теперь управляют начальниками или вождями (overstens of hoofden), которые живут в полном согласии с общиной (meet de gemeenti in alle gemeenzaemheit leven)»³⁵. Хотя анонимный автор, на которого ссылается Витзен, допускает в отношении адыгов нередкую для европейских писателей XVII в. ошибку, путая «черкесов» Северного Кавказа с «черкасами» на Украине³⁶, не может быть, однако, сомнения, что его сообщение об антифеодальном восстании среди черкесов относится именно к адыгам, и притом к причерноморским и прикубанским племенам. Обращает на себя внимание тот факт, что автор опубликованного в 1679 г. в Париже сочинения говорит о победоносном характере антифеодального восстания в Черкесии. Следовательно, и в этом отношении сообщение анонима полностью совпадает с адыгскими преданиями, которые записали о восстании XVII в. Белль и Каменев.

Итак, три независимых друг от друга источника (аноним, Белль и Каменев) свидетельствуют, что по крайней мере с первой половины XVII в. у адыгов в связи с ростом крестьянских движений начинает колебаться и ослабевать власть феодальной знати. Борьба народа с дворянством долгое время шла с переменным успехом, пока в 1792 г. у шапсугов не вспыхнуло всеобщее антифеодальное восстание, поддержанное абадзехами и натахайцами. Огромный размах восстания, который на первых же порах привел к изгнанию шапсугского дворянства, страшно перепугал феодалов всех адыгских племен, выступивших с оружием в руках на защиту своих собратьев по классу. Феодальную коалицию возглавили бжедугские князья.

В 1796 г. произошла знаменитая в истории адыгов Бзиюкская битва (Бзиюко-зау), в которой народное ополчение шапсугов, абадзехов

³⁴ Н. Каменев, Бассейн Псекупса, «Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 5, стр. 20.

³⁵ N. Witsen, Noord en Oost Tartarye, Amsterdam, 1692, стр. 375.

³⁶ Может быть эта путаница объясняется не вполне точным пересказом текста анонима Витзеном, который в своем сочинении на той же странице, лишь несколькими строками выше, указал, что по Днепру (Борисфену) на Украине «живут племена так же называемые черкасами».

и натухайцев встретилось с дворянским войском, возглавлявшимся бжедугами. Первоначально победа склонялась на сторону восставшего народа, но тогда феодалы прибегли к хитрости и, отступая, заманили неприятеля к лесу, где скрывался присланный по приказу Екатерины II казачий отряд. Попад под картечь, народное ополчение понесло большие потери и отступило.

Несмотря на неудачу Бзююкской битвы, восставший народ не капитулировал. «...Она,— говорит Люлье,— не остановила хода событий; напротив, ускорила его. С того времени вся надежда дворян на успех была потеряна. Права и преимущества их уничтожены, и всенародно объявлено равенство; пеня за кровь оценена одна для всех, и дома простолюдин закрылись для дворян. Последняя мера сохранилась в памяти у народа под названием «харам»; она оставалась в полной силе до тех пор, пока брожение умов не утихло. Последствием этого переворота было то, что одни из дворянских фамилий оставили край и нашли убежище у соседей, а другие прибегли под покровительство русских; большая же часть из них решила остаться на родине, в надежде на прежнее свое влияние и на своих приверженцев (*clientelle*); но не пользуется другими преимуществами, кроме тех, которые дают ум, красноречие или храбрость»³⁷.

В приведенных словах Люлье мы опять встречаем уже знакомое нам преувеличение демократических последствий «переворота» конца XVIII в. Но тот факт, что «большая часть» дворян после «переворота» осталась среди своих соплеменников «в надежде на прежнее свое влияние» и на своих клиентов, говорит сам за себя. Из других источников первой половины XIX в. мы знаем, что хотя политический строй абадзехов, шапсугов и натухайцев в конце XVIII в. и претерпел определенные изменения в сторону демократизации, но самые основы феодального общества остались у этих племен непоколебленными. И после «переворота» конца XVIII в. у «демократических» племен сохранилось деление на «дворян» и «подвластных» (крепостных) крестьян. Между ними по-прежнему промежуточное положение занимали тфокотли, которые, с одной стороны, беспрекословно пополнялись за счет освобождавшихся различными путями крепостных, с другой стороны, сами выделяли из своей среды старшинскую верхушку, стремившуюся превратиться в дворянство. Эта новая знать хотя и конкурировала со старой, но, владея в большом количестве крепостными и рабами, она, конечно, не могла почувствовать антикрепостническим устремлениям народных масс. Поэтому-то на созванном после Бзююкской битвы съезде, известном под названием «Печетнико-зефес», на котором, по словам Хан-Гирея, было достигнуто «примирение, или водворение согласия, между народом и дворянством», и «ясною чертой разграничены права дворян и народа»,— вопрос о крепостных крестьянах был обойден молчанием³⁸. Старшинская верхушка тфокотлей, игравшая руководящую роль на Печетниковском съезде, не могла действовать в данном вопросе открыто в пользу дворян, так как это вызвало бы возмущение массы тфокотлей, тесными узами связанной с крепостными. Вместе с тем верхушка тфокотлей не хотела и боялась провозглашать свободу крепостных, так как это означало бы подрывать основы и своего собственного благополучия. Лавируя в сложной и накаленной обстановке, создавшейся после Бзююкской битвы, «народные старшины» добились того, что острый

³⁷ Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 234.

³⁸ Хан-Гирей, Бесльный Абат, Сборник газеты «Кавказ», Второе полугодие 1847 г., Тифлис, 1848, стр. 139.

вопрос о крепостных остался не решенным не только на Печетниковском съезде, но и на протяжении всей первой половины XIX в. «Как ни ясны были постановления съезда..., — писал Хан-Гирей, — но и тут не кончили старых дел, касавшихся до людей, которых мы называли *оброчными*, отказавшихся от повиновения владельцам, хотя это и составляло главную потерю дворян. Народ (имеются в виду тфокотли. — В. Г.) прямо не вступался за этих людей; по крайней мере он не требовал от дворянства решительного отказа от своих прав над ними, но, между тем, и не выдавал их владельцам, которые, будучи сами не в состоянии без помощи народа снова покорить их своей власти, потеряли их на самом деле, хотя и до сих пор (писалось в начале 40-х годов XIX в. — В. Г.) не отказываются от прав над ними»³⁹.

Хан-Гирей безусловно прав, когда считает, что у «демократических» племен «главную потерю дворян» составляло не уравниение их в юридических правах с тфокотлем, а отказ в повиновении «оброчных» крестьян. Действительно прежде всего это наносило ущерб классовым интересам дворянства у шапсугов, натухайцев и абадзехов. Однако результаты «переворота» конца XVIII в. не были столь уж безнадежны для дворянства этих племен. Не говоря уже о том, что «переворот» не сопровождался юридической отменой крепостного права, он и фактически не ликвидировал крепостничество, хотя и ослабил его. У шапсугов, натухайцев и абадзехов многие крепостные крестьяне остались и после «переворота» в силу ряда причин (хозяйственной несостоятельности, внеэкономического принуждения, существовавших традиций и юридических взглядов) в различной форме феодальной зависимости от своих прежних господ или же оказались в зависимости от новых владельцев, которые были не лучше, если не хуже, старых. Поскольку феодальная система эксплуатации продолжала существовать, она угрожала закрепощением и тфокотлю (прежде всего вошедшим в его состав беглым крестьянам). Естественно поэтому, что и в дальнейшем, после «переворота» конца XVIII в., классовая борьба, свойственная феодальному обществу, продолжала составлять основное содержание истории шапсугов, натухайцев и абадзехов. Политический переворот конца XVIII в. не смог устранить у этих племен основных социальных антагонизмов, а лишь придал им новую, более усложненную форму, в которой они и выступали в первой половине XIX в. В этом отношении очень показательно, что К. Ф. Сталь, характеризуя в конце 40-х годов XIX в. политическую обстановку, существовавшую у «демократических» племен, писал: «Независимые общества этих трех народов в постоянной внутренней борьбе, чернь и несвободные классы борются против дворян»⁴⁰.

* * *

Адыгские «братства» не стояли в стороне от описанных нами выше событий. Наоборот, «братства» сыграли очень важную роль в борьбе крестьянских масс с феодалами, явившись основной организационной формой сплочения угнетенных против угнетателей. Приспосабливаясь к условиям феодального общества, «братства» в «демократических» племенах из чисто родственных союзов превратились в политические. Состав «братств» у абадзехов, шапсугов и натухайцев в значительной мере стал пополняться чужеродцами, беглыми крестьянами, как из своих племен, так и в особенности из «аристократических». В этом, с

³⁹ Хан-Гирей, Бесльный Абат, стр. 141.

⁴⁰ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 97.

нашей точки зрения, заключается важнейшая особенность адыгских «братств» XVIII — первой половины XIX в.

Адыгские «братства», являвшиеся по своему первоначальному происхождению древними фратриями, представляли собой замечательную коллективную организацию, унаследованную от родового строя. В условиях адыгского феодального общества, в котором еще были очень сильны родовые представления, форма «братств» оказалась наиболее подходящей для создания на основе традиций родовой солидарности прочного объединения народных масс, преследующих единые политические цели. Новые функции адыгских «братств», все более превращавшихся из кровнородственных в политические союзы, были определенным образом связаны с древними функциями фратрий, являясь их своеобразным продолжением и развитием в новой исторической обстановке.

Как показал это Л.-Г. Морган, фратрия у ирокезов, в отличие от рода и племени, не имела функций управления, но она активно вмешивалась в общественные дела, сосредотачивая на них свое внимание⁴¹. Именно эту черту архаических фратрий подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, указывая, что функции фратрии у ирокезов были отчасти общественного, отчасти религиозного характера⁴². Кроме того, «братства» у ирокезов, в отличие от греческой фратрии и римской курии, не имели официального главы и других должностных лиц. То же самое было характерно и для адыгских «братств», что делало их широкими демократическими организациями, в которых в то время остро нуждался народ для борьбы с феодалами.

Промежуточное положение фратрии между родом и племенем также способствовало превращению адыгских «братств» в основную ячейку политического объединения адыгского крестьянства, так как рамки рода были для этого очень узки, а рамки племени слишком широки.

Поскольку адыгские «братства» в своей архаической основе были кровнородственной организацией, фратриями, выросшими из сегментации одного начального рода, в них естественно сохранялись многие пережитки древних родовых отношений, в том числе экзогамия, родовая взаимопомощь, кровная месть и т. д. Эти черты адыгских «братств» хорошо подметил Белль. Он указал на то, что адыгский термин для обозначения «братства» — «тлеуш» (tleûsh) может быть переведен и как слово «семья». При этом он сослался на адыгские легенды, которые гласят, что все члены «братства» произошли «из одного и того же рода и от одних и тех же предков»⁴³. Отмечая, что все члены «братства» рассматриваются как кровные родственники и не могут вступать в брак между собой даже тогда, когда «многие братства составляют один главный союз» и что «все те, которые объединились таким образом» имеют право как братья посещать дома других членов этого союза, Белль в то же время подчеркивал искусственность существовавших в «братствах» родственных отношений и выражал сомнение, что все члены «братства» «смогут смотреть на женщин своих братств как на настоящих сестер».

В качестве иллюстрации того, что существующие внутри «братств» брачные запреты могут стать источником страданий для членов этого

⁴¹ Л.-Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 48.

⁴² К. Маркс, Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса и Энгельса, т. IX, 1941, стр. 77; Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 91.

⁴³ J. S. Bell, Указ. раб., т. I, стр. 347.

объединения, Белль приводит происшедший на его глазах случай, когда один из нутухайцев должен был бежать из дому, так как полюбил женщину из своего «братства» и женился на ней. «Раньше такая женитьба,— пишет Белль,— рассматривалась как кровосмешение и наказывалась тем, что топили обоих. Теперь же довольствуются уплатой штрафа в 200 быков и возвращением жены родителям. Нарушение этого закона (т. е. экзогамии «братств». — В. Г.) стало поэтому обычным делом»⁴⁴.

Таким образом, одна из самых архаических черт адыгских «братств» — экзогамия в рассматриваемое время фактически уже отмирала.

Размеры адыгских «братств» были различны, иногда они были огромны. Например, то «братство», в котором произошло описанное Беллем нарушение экзогамии, состояло из нескольких тысяч человек. Белль указывал, что «братства» у адыгов бывают большие и малые, причем малые «братства» часто присоединяются к большим⁴⁵. Хан-Гирей считал в среднем на каждое «братство» по 150 дворов или семейств, а в каждой семье по 5—6 душ. Таким образом адыгское «братство» насчитывало примерно от 750 до 900 человек⁴⁶.

Но вообще определить даже приблизительно размеры адыгских «братств» было чрезвычайно трудно, во-первых, потому, что никакой статистики у адыгов в то время не существовало⁴⁷, во-вторых, потому, что «братства» были связаны, как мы увидим далее, узами «соприсяжничества» друг с другом и установить, где кончалась цепь этих, связанных искусственным родством, союзов оказывалось невозможным. Поэтому Хан-Гирей справедливо отметил: «Нет никакой возможности верно определить число людей в кланах; так же бесполезно распространяться о подразделениях последних»⁴⁸.

Членов адыгских «братств» не связывали, как правило, никакие экономические узы, они не вели общего хозяйства, не имели общего имущества, так как к этому времени род у адыгов как реальная хозяйственная единица не существовал, распавшись на большие и малые семьи, ведущие самостоятельное хозяйство. Однако известные элементы материальной взаимопомощи внутри «братства» сохранились. «Братства» помогали своим членам в уплате различного рода штрафов за уголовные преступления, а особенно «цены крови» в случае убийства членом данного «братства» человека, принадлежавшего к другому «братству»; точно так же как члены «братства» участвовали в разделе «цены крови», полученной за убийство их «брата»⁴⁹. Традиционной была также помощь членам «братства» в уплате калыма за жен и в составлении приданого выдаваемым замуж девушкам⁵⁰.

Очень ярко коллективная солидарность членов «братства» проявлялась в строго соблюдавшемся обычае кровной мести. Всякое покушение извне на члена «братства» рассматривалось как обида, нанесенная всему «братству». Только по решению «братства» и с его согласия можно было безнаказанно убить или подвергнуть какой-либо другой репрессии члена «братства», совершившего любое преступление⁵¹.

⁴⁴ J. S. Bell, Указ. раб., т. I, стр. 347—348.

⁴⁵ Там же, стр. 203.

⁴⁶ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. 1, л. 49.

⁴⁷ В. К. Гарданов, Указ. раб., стр. 80—81.

⁴⁸ Хан-Гирей, Бесльный Абат, стр. 130.

⁴⁹ J. S. Bell, Указ. раб., т. I, стр. 183, 204.

⁵⁰ Там же, стр. 143—144, 153, 178—179, 221.

⁵¹ Там же, стр. 192—193, 201, 238, 244.

Белль, полагавший, что он первый открыл существование «братств» у адыгов, описал главным образом архаические черты, характеризующие эти общественные организации. Справедливо указывая, что «братства» должны быть происходят из глубины веков», Белль писал: «и мне кажется странным, что такая характерная черта черкесской жизни не упоминалась, насколько я знаю, никем из тех, кто описывал эту страну»⁵². В данном случае Белль ошибался. Еще в 1829 г. адыгские «братства» обратили на себя внимание Г. В. Новицкого, который охарактеризовал их как одно из основных социальных учреждений, существующих у адыгов «для взаимной связи против внутренних и внешних врагов». Новицкий сразу распознал в значительной мере искусственный характер адыгских «братств», назвав их «союзом присяжных братьев», поскольку вступающие в «братство» лица, принося соответствующую присягу, становились как бы братьями остальных членов этого сообщества. Считая «братства» у «демократических» адыгских племен преимущественно политическим союзом, Новицкий, характеризуя эту своеобразную организацию, выдвигал на первый план не родственные узы, связывавшие некоторых членов «братства» между собой, а общность гражданских интересов, объединявших всех членов «братства», независимо от того, приходились ли они друг другу родственниками или нет. Новицкий был первым, кто подчеркнул, что наличие «союза присяжных братьев» привело к значительному увеличению численности «демократических» племен, охотно принимавших в свои «братства» беглецов-чужеродцев. «Союз сей,— писал Новицкий,— увеличивает народонаселение в горах. Всякой беглец, бродяга, преследуемый законами, находит верное убежище у Адехе, преимущественно у Абедзехов, Шапсугов и Натугайцев, которые почти все составлены из подобных людей. Беглец, который предполагает поселиться в горах, немедленно по прибытии должен просить покровительства и объявить свое намерение принять их обряды; в сем случае он делается безопасным, приводится к присяге и дает обязательство вести себя сообразно с обычаями Адехе. В заключение присяги вступающий в число присяжных братьев прикладывает к челу своему Алкоран»⁵³. С сего времени он равняется со всеми коренными жителями, права его и собственность обеспечиваются, и он принимается всеми как товарищ и брат»⁵⁴.

Большую политическую значимость адыгских «братств» подчеркнул и Хан-Гирей. Подобно Новицкому, Хан-Гирей считал, что членов «братств» у абадзехов, шапсугов и натухайцев связывали уже не столько кровнородственные отношения, сколько «соприсяжничество». Но Хан-Гирей пошел значительно дальше Новицкого в раскрытии подлинной роли «братств» в классовой борьбе, приведшей к ослаблению власти феодалов у «демократических» племен. Именно в созданных на основе древних «братств» объединениях крестьянских масс у абадзехов, шапсугов и натухайцев, он усмотрел главную причину «разрушения и ослабления княжеских владений и усиления племен, не зависящих от власти князей или имеющих народное правление», посвятив этому специальную главу в своих замечательных «Записках о Черкесии»⁵⁵.

⁵² J. S. Bell, Указ. раб., т. I, стр. 204.

⁵³ Последний обычай принадлежит Адехе магометанского исповедания (примеч. Г. В. Новицкого).

⁵⁴ Г. В. Новицкий, Указ. раб., «Тифлиские ведомости», 1829, № 24.

⁵⁵ Глава XV первой части «Записок о Черкесии» Хан-Гирея так и озаглавлена: «Замечания о причинах разрушения и ослабления княжеских владений и усиления племен, не зависящих от власти князей или имеющих народное правление».

Эту главу Хан-Гирей начинает с указания на то, что «роды или фамилии вольных земледельцев (лъфокотль)» у абадзехов, шапсугов и натухайцев, находясь в прошлом «почти в такой же зависимости» от дворянства, «в какой состоит этот класс в княжеских владениях», стремились к «ниспровержению власти господствующего класса», для чего, подчеркивает Хан-Гирей, «им необходимо было размножить число свое». «Эта необходимость,— продолжает далее Хан-Гирей,— вероятно родила у них *обычный устав соприсяжного собратства*, которое заключается в следующем. Человека, переходящего к ним из другого племени,— по каким бы то ни было обстоятельствам, какого бы он ни был рода или звания, с семейством или без семейства,— должно принимать в сочлены того рода, к которому беглый явится, и водворять его, дав ему для этого необходимое вспомоществование, приводя при чем к присяге, состоящей в том, чтобы быть верным новому своему обществу и исполнять основные того рода или фамилии условия»⁵⁶.

Как мы видим, Хан-Гирей уточняет сообщение Новицкого, указывая, что беглецов-чужеродцев у абадзехов, шапсугов и натухайцев принимали не вообще в состав племени, а в состав определенного «рода или фамилии» тфокотлей. В то же время Хан-Гирей объясняет нам и мотивы, по которым тфокотли абадзехов, шапсугов и натухайцев стремились «размножить число свое» и так широко принимали в свои «братства» беглецов из других племен, давая им «необходимое вспомоществование». Таким образом, для нас становится ясным, что «союз присяжных братьев» вырастал у абадзехов, шапсугов и натухайцев на основе родовых организаций тфокотлей, как классовый союз крестьянства против дворян. «Чрез такое усиление,— замечает Хан-Гирей,— простой класс, то есть вольные земледельцы, в вышеупомянутых трех племенах наконец достигли до возможности разрушить и власть дворян над ним господствовавших, которые, гордясь своим происхождением, не прибегая к такому роду усиления, пребывали долгое время в совершенной беспечности»⁵⁷.

В более поздней своей работе Хан-Гирей еще более отчетливо показал, что «соприсяжничество» у адыгов являлось по существу формой искусственного родства, позволявшего расширять состав «братств» за счет включения посторонних лиц, которые в силу этого обычая приравнивались к кровным родственникам. «Дворянство...,— писал Хан-Гирей,— не хотело унизить себя родственными связями с людьми низкого происхождения; а народ, напротив того, принимал в свой круг каждого пришлеца и, так сказать, усыновлял его: пришлец присягал быть верным клану, к которому приставал, а тот, с своей стороны, также присягал охранять безопасность нового своего члена. Таким образом клан увеличивался и, соединенный в одно целое общими выгодами и клятвами, составлял один союз, которого каждый член приобретал силу помощью *соприсяжников* (тхар-ог); следовательно, клан не мог подвергнуться совершенному раздроблению на части и расслаблению в своем составе»⁵⁸.

Использование древнего по своему происхождению обычая соприсяжничества в интересах антифеодальной борьбы составляло ту новую и важнейшую черту, которую приобрел этот обычай у адыгского крестьянства в феодальный период. Поскольку вновь принятый в родовой союз соприсяжник, с одной стороны — должен был строго подчиняться

⁵⁶ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, лл. 231 об.—232.

⁵⁷ Там же, лл. 232 об.—233.

⁵⁸ Хан-Гирей, Бесльный Абат, стр. 130.

всем правилам рода, включая соблюдение родовой экзогамии, и действовать солидарно со всеми членами данного собратства, а с другой стороны — пользовался всеми правами сородича и мог полностью полагаться на поддержку принявшего его рода, адыгскому «братству» не угрожало, говоря словами Хан-Гирея, ни «раздробление на части», ни «расслабление в своем составе» в результате включения значительного числа чужеродцев. Наоборот, увеличение численности «братства» делало данное «братство» более влиятельным и сильным, лучше гарантируя безопасность и интересы каждого его члена.

Обычай соприсяжничества давал возможность не только принимать в состав «братства» отдельных чужеродцев, но и заключать родственные союзы между двумя или несколькими, посторонними до этого друг для друга, общинами⁵⁹. Таким образом, обычай соприсяжничества открывал по существу неограниченные возможности для сплочения узам искусственного родства народных масс, чем широко и воспользовался тфокотль у абадзехов, шапсугов и натухайцев.

По словам Хан-Гирея, «Следствием этого соприсяжного собратства в племенах абадзахском, шапсхском и патхокоадском (т. е. абадзехов, шапсугов и натухайцев. — В. Г.) до основания разрушилась самобытность владений Вепсского, Хехадыгского и Жанинского. Простой класс (т. е. тфокотли. — В. Г.) этих владений, даже и большая часть крестьян, принадлежащих дворянам и князьям, присоединясь к племенам, имевшим соприсяжное собратство, соделались членами родов, составляющих эти племена, а владельцы их рассеялись по всей Черкесии и все княжеские владения приведены были в бессильное состояние»⁶⁰.

Итак, существовавшие у абадзехов, шапсугов и натухайцев «братства» явились не только очагами свободы для тфокотля этих племен, но и содействовали в значительной мере высвобождению из-под гнета князей и дворян тфокотлей и крепостных крестьян соседних княжеств. Хан-Гирей даже считает, что такое княжество, как Жанеевское, которое в XVII—XVIII вв. было одним из самых значительных в Черкесии, распалось в результате бегства большей части его крестьян к абадзехам, шапсугам и натухайцам. Это предположение Хан-Гирея не лишено серьезных оснований, так как еще в 30-х гг. XIX в. жанеевские феодалы с помощью царских властей пытаются приостановить бегство своих крестьян к «демократическим» племенам путем переселения подвластных им аулов с левобережья Кубани на правый берег, в Черноморию⁶¹.

Правда, упадок Жанеевского княжества обусловился также и другими причинами (в частности, тяжкими последствиями набегов крымских ханов), но зато исчезновение Вепсского и Хехадыгского княжеств действительно было полностью связано с развернувшейся в конце XVIII в. антифеодальной борьбой. Все население этих двух княжеств вошло в состав шапсугско-натухайских «братств»⁶².

Хан-Гирей довольно подробно прослеживает роль «соприсяжных собратств» в классовой борьбе, приведшей к политическому перевороту у «демократических» племен. Он указывает, что абадзехское, шапсугское

⁵⁹ Сохранилось, правда довольно позднее, описание заключения такого союза «клятвенного братства» («тхаринош») у темиргоевцев, что, между прочим, указывает на распространение обычая соприсяжничества и у «аристократических» племен (В. В. Васильков, Очерк быта темиргоевцев, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 29, Тифлис, 1901, стр. 80—81).

⁶⁰ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. 1, лл. 233 об.—234.

⁶¹ В. К. Гарданов, Указ. раб., стр. 91—92.

⁶² Вепсское и Хехадыгское княжества занимали побережье Черного моря от устья Кубани до Анапы.

и натухайское дворянство, при активной поддержке феодального класса всей Черкесии, пыталось во что бы то ни стало искоренить созданные народом союзы «соприсяжников». «Дворяне в абедахгском, шапсхгском и натхокоадьском племенах, так же князья и дворяне в соседних с ними княжеских владениях, для которых страшное усиление в горах класса вольных земледельцев равно было пагубно, в различные времена единодушно действовали, имея целью искоренение этого обычного устава соприсяжного собратства в трех упомянутых племенах и восстановление там прежнего порядка подчиненности простого класса власти дворянства». Но... «напрасно они потоками проливали кровь: все было тщетно, и простой класс в этих племенах достиг совершенной вольности, пагубной для высшего класса всей Черкесии»⁶³.

«Братские» союзы, таким образом, выдержали серьезное испытание. Они проявили себя крепкими и жизнеспособными организациями, вполне приспособленными для нужд антифеодальной борьбы. Несмотря на то, что чисто родственный состав «братства» был теперь в значительной мере нарушен и членов «братства» связывали не столько кровно-родственные узы, сколько отношения искусственного родства, древние традиции безотказно действовали и соприсяжники выступали с таким же единодушием, как и члены первобытных общин. Это показывает, что обычный соприсяжничества давно и прочно вошел в быт адыгского народа, прежде чем он был использован в классовых интересах адыгского крестьянства. Происхождение этого обычая из недр родового строя несомненно, точно так же как и его антифеодальная направленность в рассматриваемое время. Отмечая древность института «соприсяжного собратства» и его важную роль в ослаблении власти феодалов, Хан-Гирей писал: «Мы не можем определить в какое время сей обычный устав собратства образовался и кто были его основателями... Как бы то ни было... устав соприсяжного собратства был гробом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии»⁶⁴.

Обеспечив победу тфокотлей над дворянством у «демократических» племен, «братства» продолжали играть свою положительную роль и в дальнейшем. На протяжении первой половины XIX в. «братства» оставались главной формой объединения крестьянских масс и потому являлись постоянной угрозой для феодалов, заставляя их быть более осторожными и покладистыми. Силу коллективного сопротивления объединенного в «братские» союзы крестьянства хорошо знали по личному опыту не только дворяне «демократических» племен, но и их собратья по классу во всей Черкесии. Поэтому ни те, ни другие не решались возобновлять открытой вооруженной борьбы с народом.

Однако «братствам» в первой половине XIX в. угрожала серьезная опасность переродиться из чисто крестьянских организаций в полуфеодальные корпорации. Опасность эта исходила с двух сторон: со стороны старого дворянства (уорков), проникавшего постепенно в «братства», и со стороны «нового» дворянства, которое в лице старшинской верхушки тфокотлей с самого начала находилось в составе «братств». Дворяне «демократических» племен, сделав вид, что они примирились с потерей своего прежнего привилегированного положения и готовы делить власть над народом с верхушкой тфокотля, в то же времямышляли о реванше и реставрации старых порядков. Понимая, что старшинская верхушка тфокотлей, опираясь на «братства», сумела пробраться к власти и оттеснить его, дворянство «демократических» племен теперь само пытается использовать институт «соприсяжного со-

⁶³ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 233—233 об.

⁶⁴ Там же, л. 232—232 об.

братства» для укрепления своего пошатнувшегося положения. Преодолевая свою гордость и отбросив сословные предрассудки, уоркские фамилии абадзехов, шапсугов и натухайцев вступают в «соприсяжничество» с влиятельными «братствами» тфокотлей и стремятся таким образом заручиться их поддержкой. В первой половине XIX в. основные уоркские фамилии у шапсугов уже находились в результате «соприсяжничества» в «родстве» с наиболее значительными «братствами» шапсугских тфокотлей. Так, знатнейшая в Шапсугии уоркская фамилия Абатов состояла в «соприсяжничестве» с сильнейшим «собратством» шапсугских тфокотлей, известным под общим названием «Кобле». В это «собратство» входило 37 «родов» тфокотлей. Другая знатная фамилия шапсугских уорков — Шеретлоко была в «соприсяжничестве» с «собратством» шапсугских тфокотлей «Гоаго-Соотох», в которое входило 22 «рода». Уоркская фамилия Пемере находилась в «соприсяжничестве» с «собратством» Схапте, в которое тоже входило 22 «рода». Такое же положение наблюдалось у натухайцев и абадзехов, где дворянские фамилии оказались в «собратстве» с народом⁶⁵.

Вступление в состав «братств» уоркских фамилий, хотя и укрепило отчасти положение дворян в «демократических» племенах, не смогло, конечно, снять основных классовых противоречий между феодалами и крестьянами. «Братства» были сильны и едины лишь при социальной однородности. Уже наличие внутри «братств» старшинской верхушки, превращавшейся в «новое» дворянство, вносило в среду «братств» социальный раскол. Пока шла борьба за уравнивание в правах с дворянством, верхушка тфокотлей у абадзехов, шапсугов и натухайцев выступала единым фронтом с другими членами «братства». Но когда произошел политический переворот, позволивший старшинам занять господствующие позиции в руководстве общественными делами своих племен, верхушка тфокотлей уже не так ревностно отстаивала коллективные интересы «братства». Старшинам теперь было более по пути с дворянством, чем с крестьянской массой тфокотлей. И вот, в результате, внутри «братства» образуется старшинско-дворянский блок, который начинает исподволь тайную борьбу против демократических традиций «братств». Это, конечно, предвещало гибель унаследованным от родового строя крестьянским организациям. Но пока что крестьянство внутри «братств» отстаивало прежнюю демократическую линию этих организаций. И не так-то легко было заставить «братство», в котором большинство составляли рядовые общинники, перейти целиком на сторону феодалов и служить их эксплуататорским интересам. «Братства» по-прежнему строго соблюдали древний обычай, согласно которому всякий беглец имел право стать членом «братства» со всеми вытекающими из этого последствиями. А это означало, что крестьяне у абадзехов, шапсугов и натухайцев в случае притеснения могли уйти из одного «братства» в другое, что, конечно, серьезно ограничивало феодальную эксплуатацию внутри «братств». С другой стороны, существование «братств» у «демократических» племен сдерживало феодальный произвол в «аристократических» племенах, крестьянство которых при каждом удобном случае готово было бежать к абадзехам, шапсугам и натухайцам. Все это позволяло «братствам» сохранять свое демократическое значение и оставаться важнейшим оплотом крестьянства в борьбе с феодалами, что и отмечает Хан-Гирей в заключение своих рассуждений о роли «соприсяжничества» в политической жизни Черкесии. «К сему присовокупим, — пишет адыгский историк, — что в настоящее время

⁶⁵ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, лл. 224—230.

обычные уставы, соприсяжного собратства имеют вящую силу, а потому в княжеских владениях владельцы обходятся с осторожностью с людьми им подвластными, боясь побега их к племенам абедзахгскому, шапсхгскому и натхокоадьскому, имеющим народное правление, основанное на вышеписанном обычном соприсяжничестве или собратстве»⁶⁶.

SUMMARY

The Adyghe «fraternities», which originated in ancient phratries, were a remarkable collective organization inherited from the tribal system. In the conditions of the Adyghe feudal society, in which tribal conceptions were still very strong, the form of «fraternities» proved to be best suited for the rise, on the basis of traditions of tribal solidarity, of a lasting union of masses of peasants pursuing common political aims. The new functions of the Adyghe «fraternities», which were increasingly turning from alliances of people related by blood into political unions, were definitely connected with the old functions of the phratries, being, in a way, their continuation and development in a new historical period.

The «fraternities» played a very important part in the anti-feudal struggle of the Adyghe peasants, which led at the end of the 18th century to a political revolution in three of the largest Adyghe tribes. As the result of this revolution the power of the feudal nobility was undermined and its privileges to a considerable degree abolished.

⁶⁶ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. 1, лл. 234 об.—235.